„Пров 4

Изданіе русскаго рабочаго общества въ Парижѣ.

Дубликат

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ И СОЦІАЛИЗМЪ.

(Лекція, читанная П. Л. Лавровымъ въ русскомъ рабочемъ обществѣ въ Парижѣ 16 Октября 1886 г.)

I

Въ настоящее время замѣчается между искренними соціалистами нѣкоторая неопредѣленность въ пониманіи роли національности въ соціализмѣ. Съ конца прошлаго вѣка поднятъ національный вопросъ и уже пережилъ многіе фазисы. Въ XVIII в. мы замѣчаемъ, по отношенію къ нему, поразительную противоположность въ различныхъ слояхъ общества. Въ массахъ существовала и поддерживалась политическими и экономическими мѣрами прямая вражда между націями, но въ то же время стушевывалось и подавлялось старательно всякое различіе между особностью національною и особностью государственною. Дипломатія разрывала націи на куски, или соединяла въ одно страны, обитаемыя различными націями. Каждый трактатъ былъ обозначенъ переходомъ территоріи отъ одного правительства къ другому, совершенно не принимая во вниманіе національности населенія. Игнорированію національнаго вопроса въ высшихъ сферахъ содѣйствовали, съ одной стороны, космополитическія теоріи XVIII столѣтія, съ другой—нѣкоторые удавшіеся политическіе эксперименты. Мыслители XVIII вѣка, въ особенности энциклопедисты, наиболѣе вліятельные въ то время, хотѣли быть

гражданами міра. Въ Швейцаріи срослись политически три разныя національности. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки соединились люди различныхъ націй, забывая объ этомъ различіи. Но въ концѣ XVIII вѣка начало проявляться противоположное теченіе. Три государства разорвали на куски Польшу, но поляки захотѣли оставаться поляками на зло трактатамъ, во имя своего національнаго единства, и въ продолженіи 100 лѣтъ поддерживали это стремленіе Когда либеральный императоръ германскій, Іосифъ II, захотѣлъ ввести свои либеральные, общіе для всѣхъ его подданныхъ, законы, нарушающіе національныя привычки, народы его протестовали и протестовали успѣшно. Буря французской революціи сначала такъ бы усилила космополитическое теченіе, и Анахарсисы Клоцы явились реализаторами идеала „гражданъ міра". Однако, когда французская республика стала создавать въ Европѣ республики по своему образу и подобію, она встрѣтила лишь частное сочувствіе и далеко не въ массахъ, проникнутыхъ національными традиціями. Когда же эту самую политику приняла имперія Наполеона, окружая себя поясомъ вассальныхъ королевствъ, національная оппозиція перешла въ прямую борьбу. На почвѣ національной раздѣльности велась война противъ новаго цезаризма. Романтизмъ былъ поэтическимъ расцвѣтомъ представленія о національномъ обособленіи, въ противоположность псевдо-классической литературѣ, сглаживавшей это обособленіе Возрожденіе подавленныхъ народностей было общимъ явленіемъ во всѣхъ углахъ Европы: кельты, провансалы, финны, чехи, сербы, украинцы, армяне, грузины, такъ сказать открыли свою особенную литературу, свой языкъ, свою древнюю исторію. Честолюбивые политики нашли хорошую почву для своихъ цѣлей въ этихъ національныхъ стремленіяхъ, громко провозглашая себя ихъ сторонниками въ одномъ случаѣ, подавляя ихъ всѣми силами полицейскаго государства въ другомъ. Единство Италіи, единство Германіи было крупнымъ политическимъ продуктомъ

225303

этого направленія. Подобная же работа идетъ въ настоящее время среди южныхъ славянъ, среди армянъ. Національный вопросъ сталъ всюду на очередь въ политическомъ мірѣ и его приходится брать въ соображеніе всѣмъ сколько нибудь размышляющимъ государственнымъ людямъ

Но наканунѣ революціи 1848 года космополитическія традиціи XVIII в какъ бы возродились, принявъ иной характеръ и создавъ себѣ совершенно новую основу. Послѣ того какъ утописты начала XIX вѣка, прямые преемники просвѣтителей XVIII-го, проповѣдывали наступленіе для всего человѣчества единаковаго для всѣхъ періода гармоніи, и не останавливались передъ затрудненіями омніархіи Фурье, Карлъ Марксъ указалъ на новую, болѣе глубокую раздѣльность, которая, въ одно и тоже время, не допускала въ наше время космополитическаго примиренія всѣхъ людей, и устраняла противоположеніе и вражду національностей. Надъ міромъ XIX вѣка грянулъ призывъ: „Пролетарии всѣхъ странъ — соединяйтесь!“ Это было, прежде всего, провозглашеніе великой непримиримой борьбы классовъ въ капиталистическомъ обществѣ; но, въ то же время, это было провозглашеніе новаго *интернаціонализма* въ замѣнъ прежняго *космополитизма* Чрезъ 37 лѣтъ послѣ того былъ основанъ Интернаціоналъ, и онъ, въ продолженіе 8 лѣтъ, проповѣдывалъ во всѣхъ углахъ цивилизованнаго міра единство интересовъ и правъ рабочихъ всѣхъ націй въ борьбѣ съ ихъ эксплуататорами; онъ создалъ организацію, въ которой рабочіе всѣхъ націй сошлись и дѣйствовали сообща Послѣ раскола 1872 г. національный элементъ и въ этой сферѣ какъ бы усилился. Когда недавно конгрессъ англійскихъ Трэде-юніоновъ созвалъ на будущій годъ международный конгрессъ рабочихъ и одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей современнаго соціализма, бельгіецъ Де-Панъ, указалъ, что это есть, можетъ быть, возрожденіе Интернационала, то органъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ объявилъ (въ послѣднемъ номерѣ), что теперь это возрожденіе

Интернаціонала было бы не своевременнымъ и предложилъ какъ бы федерацію рабочихъ союзовъ различныхъ націй, сохраняя ихъ обособленіе, вмѣсто централизованной организаціи стараго Интернаціонала.

Какъ смотрѣть на эти явленія послѣднихъ годовъ и, такъ сказать, послѣднихъ дней? Должно ли видѣть въ нихъ признаніе ошибочности началъ Интернаціонала и подтвержденіе принципа національной раздѣльности? Какъ слѣдуетъ въ настоящее время поступать мыслящему и искреннему соціалисту? Слѣдуетъ-ли ему, проникнувшись идеей единства соціальнаго вопроса, идти въ ту страну, въ ту мѣстность, въ тотъ союзъ рабочій, или соціально-революціонный, гдѣ борьба всего горячѣе? Или онъ долженъ посвятить свои силы исключительно своей націи, смотря на борьбу въ средѣ другихъ народовъ почти такъ-же равнодушно, какъ въ XVII и въ XVIII-омъ вѣкѣ наши предки смотрѣли на чужіе политическіе вопросы? Или приходится отвѣтить различнымъ образомъ на этотъ вопросъ, смотря по обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ представляется для личности? Разсмотрѣніе этой задачи составитъ предметъ нашей сегоднешней бесѣды. Я не надѣюсь въ ней высказать что либо особенно новое для моихъ слушателей, но иногда и старыя истины не лишнее возобновить въ своей памяти.

II

Прежде всего мнѣ хотѣлось бы остановить на минуту вниманіе моихъ слушателей на противопоставленіи двухъ терминовъ, мною только что употребленныхъ и разница которыхъ можетъ быть не всѣмъ достаточно ясна. Это — термины: *космополитизмъ* и *интернаціонализмъ*.

Космополитизмъ былъ забвеніемъ существующей разницы націй, съ ихъ унаслѣдованными привычками мысли и жизни; это было—отрицаніе реальнаго факта, который можетъ печалить или радовать, но, во всякомъ

случаѣ, долженъ быть взятъ въ соображеніе. Интернаціонализмъ, даже въ эпоху господства Генеральнаго совѣта, предполагалъ отдѣльные мѣстные федеральные совѣты, представителей мѣстныхъ интересовъ и стремленій, и лишь надъ ними конгрессы и совѣтъ генеральный, какъ представителей общихъ интересовъ рабочаго класса. Это былъ союзъ людей, которые, во первыхъ, были реально группированы традиціями языка и привычекъ экономическихъ и культурныхъ, беря, большею частью, въ соображеніе и различіе юридическихъ условій въ разныхъ государствахъ, и затѣмъ уже, какъ члены этихъ реальныхъ общественныхъ единицъ, образовали высшее классовое единство, созданное опять таки реальными интересами, но классовыми, и реальными требованіями правды, но общечеловѣческими Космополитомъ могъ быть эгоистъ, такъ какъ, стирая всѣ промежуточныя связи людей, лежащія между личностью и человѣчествомъ, и имѣя очень мало возможности посвящать себя общечеловѣческимъ задачамъ, космополитъ вырабатывалъ себѣ право не интересоваться ничѣмъ, требующимъ отъ человѣка реальныхъ жертвъ. Интернаціоналисту приходилось прежде всего провѣрить свою искренность на ближайшихъ задачахъ борьбы рабочей группы его мѣстности, на заботахъ его секціи, затѣмъ на нѣсколько болѣе обширныхъ задачахъ рабочей борьбы въ его странѣ, и лишь тотъ, кто входилъ членомъ въ реальную секцію, въ національный рабочій союзъ, лишь тотъ былъ и членомъ великаго рабочаго Интернаціонала, государства безъ территоріи, которое писало на своемъ знамени: „Пролетаріи всѣхъ странъ — соединяйтесь!“ и ставило себѣ задачею основать царство коллективнаго труда въ замѣнъ царства конкурренціи.

Если мы вдумаемся въ смыслъ этого различія основныхъ терминовъ, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ.

Интернаціоналистъ, какъ таковой, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе соціально-революціонный союзъ въ его странѣ.

Къ общей классовой цѣли построенія рабочаго царства онъ можетъ тѣмъ вѣрнѣе приблизиться, чѣмъ онъ болѣе работаетъ на пользу того частнаго союза, которому онъ можетъ содѣйствовать лучше всего. Внѣ энергичной секціи, внѣ крѣпкаго и солидарнаго союза секцій на ограниченной территоріи, невозможна и общая успѣшная дѣятельность Такимъ образомъ общее требованіе интернаціональнаго соціализма обязываетъ каждаго убѣжденнаго его сторонника направить всѣ свои силы на тотъ частный союзъ, на ту страну, въ средѣ которыхъ онъ, какъ личность съ опредѣленными силами и привычками, можетъ всего успѣшнѣе дѣйствовать.

III

Вотъ тутъ то и выдвигается національный вопросъ. Но онъ выдвигается не одинъ, а вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ вопросъ государственный. Каждый человѣкъ рождается членомъ опредѣленной націи, но каждый рождается и подданнымъ опредѣленнаго государства. Какъ членъ націи, онъ унаслѣдовалъ языкъ, обычаи, привычки мысли и жизни, отличающія его отъ другихъ націй. Онъ выросъ въ средѣ, гдѣ есть люди, которые его лучше другихъ знаютъ, и которыхъ онъ знаетъ лучше другихъ. Въ этой средѣ онъ все понимаетъ, и въ ней чувствуетъ оттѣнки, которыхъ понять не можетъ. Внѣ ея и дѣятельность и пониманіе для него несравненно труднѣе. Какъ подданный государства, онъ окруженъ особенными юридическими условіями, большею частію перемѣняющимися при переходѣ его черезъ политическую границу Законы, здѣсь дѣйствующіе, тамъ замѣнены иными. Препятствія пропагандѣ соціальныхъ идей, организаціи рабочихъ союзовъ, отмѣнѣ вредныхъ законовъ и замѣнѣ ихъ новыми, вообще вліянію личности на общественное дѣло повсюду весьма различны. Дѣятельность, удобная и цѣлесообразная въ одной мѣстности, можетъ сдѣлаться совершенно неумѣстною, а пожалуй и вредною, въ другой. Какимъ образомъ убѣж-

денный соціалистъ долженъ отнестись къ реальной разницѣ, такимъ образомъ представляющейся?

Прежде всего отдѣлимъ вопросъ о различіи по государственному подданству. Всѣ современныя государства суть продукты капиталистическаго строя въ тѣхъ своихъ элементахъ, которые не восходятъ къ первобытному хищничеству. Слѣдовательно всѣ они, какъ государства, враждебны соціалистическому строю. Соціалисты могутъ различнымъ образомъ смотрѣть на роль государственнаго элемента въ ближайшемъ и въ дальнѣйшемъ будущемъ Анархистъ можетъ доходить, въ своей ненависти къ этому элементу, до отрицанія всякой организаціи, всякаго подчиненія меньшинства большинству. Централистъ можетъ считать необходимою весьма энергическую власть, руководящую борьбою рабочихъ съ капиталомъ и современнымъ государствомъ. Между этими крайними политическими идеалами различныхъ группъ соціалистовъ могутъ быть поставлены весьма различныя политическія системы соціалистическаго строя, между прочимъ система, требующая для каждаго момента развитія общества или партіи минимумъ власти и принужденія, но допускающая, что этотъ минимумъ зависитъ отъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе и для самыхъ ярыхъ государственниковъ соціализма ихъ государство не есть нынѣшнее: оно есть государство рабочихъ, опирающееся на коллективный трудъ и на всеобщую кооперацію; оно должно разрушить наибольшую долю современныхъ учрежденій и юридическихъ формъ. Оно есть, по отношенію къ нынѣшнему строю, государство существенно *революціонное.* Слѣдовательно, тутъ не можетъ быть вопроса. Современный соціалистъ во всякой странѣ есть врагъ существующаго въ этой и въ другихъ странахъ политическаго строя. Онъ подрываетъ этотъ строй всюду, гдѣ можетъ, тѣми средствами, которыми обладаетъ. Цѣлость нынѣшнихъ государствъ, ихъ границы, ихъ политическая гегемонія надъ другими, суть для него вопросы, которые вовсе не имѣютъ цѣны въ его планахъ

общественнаго переустройства. Онъ можетъ представить себѣ, что въ первый моментъ торжества соціализма, то или другое государство дастъ соціалистамъ своей территоріи возможность организоваться въ такихъ-то предѣлахъ, но это совершенно второстепенное соображеніе. Существенно, для соціально-революціонной борьбы, что такое-то государство, по своимъ политическимъ и юридическимъ условіямъ, представляетъ такую-то почву для дѣятельности, почву, которую не представляетъ другое; что въ первомъ, въ данную минуту, существуютъ, для успѣха соціалистическаго строя, препятствія, которыя отсутствуютъ въ другомъ мѣстѣ, и которыя должны быть ниспровергнуты. Разница государствъ въ этомъ отношеніи есть совершенно реальный элементъ, обусловливающій эту борьбу во множествѣ ея частностей, и, слѣдовательно, фатально разнообразящій соціалистическія группы, принадлежащія тому или другому государству. Понятно, что украинцы, живущіе въ Австріи и въ Россіи, поляки Варшавы, Львова и Познани, при одинаковости политическихъ убѣжденій, ставятъ себѣ иную политическую задачу, группируются въ явные и тайные союзы инаго характера, тогда какъ французъ, нѣмецъ и италіанецъ Швейцаріи, чехъ, венгерецъ и саксонецъ Австріи могутъ входить въ одинаковыя или, даже, въ общую организацію, могутъ преслѣдовать одну и ту же политику, отожествлять свою революціонную дѣятельность. На этой то почвѣ выработалъ старый Интернаціоналъ свои федеральные союзы, большею частью опредѣленные государственными территоріями. Эти союзы имѣлъ, конечно, въ виду и авторъ статьи въ „Соціаль-Демократѣ“, говоря о томъ, что теперь нужна Федерація ихъ а не возобновленіе Интернаціонала.

Гораздо труднѣе и сложнѣе задача объ отношеніи соціалиста къ своей національной особенности. Мы видѣли, что это — различіе реальное, что отъ него зависитъ удобство посвятить свои силы соціально-революціонному дѣлу, а потому и большій или меньшій ус-

пѣхъ этого дѣла. Но, въ то же время, мы только что замѣтили, что люди одной національности въ разныхъ государствахъ могутъ быть принуждены держаться иной политики, а люди разныхъ національностей въ одномъ и томъ же государствѣ — одинаковой. Государственное различіе оказывается важнымъ обусловливающимъ элементомъ соціалистической дѣятельности. Національное различіе представляетъ лишь бо́льшія или меньшія удобства для сношеній съ единомышленниками и для дѣйствія сообща съ ними. Ни одно нынѣшнее государство не можетъ существовать въ соціалистическомъ строѣ такъ, какъ оно теперь есть Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что большинство нынѣшнихъ націй долго еще просуществуетъ въ этомъ строѣ, и что разница языковъ и многихъ обычаевъ нисколько не противорѣчитъ идеалу соціалистическаго строя, хотя, вѣроятно, и потерпитъ измѣненія подъ его вліяніемъ. Различіе государствъ соціалисту *обязательно* взять въ соображеніе при составленіи плана своей дѣятельности, какъ на войнѣ необходимо взять въ соображеніе состояніе арміи всякаго врага. Различіе національностей никакихъ опредѣленныхъ обязанностей на соціалиста не налагаетъ. Смотря по *удобству* для общечеловѣческихъ, интернаціональныхъ цѣлей борьбы соціализма противъ капитализма, сторонникамъ перваго приходится дѣйствовать или въ кругу своего національнаго союза, или въ средѣ совсѣмъ иныхъ націй, или въ группѣ, заключающей представителей самыхъ различныхъ національностей. Это обусловливается самымъ генезисомъ національныхъ группъ.

Это — остатки доисторическаго періода человѣчества или безсознательные продукты его исторіи. Среди первобытныхъ племенъ, націи выработались, какъ побѣдительницы дикости, какъ возможная почва для исторической жизни. Ни одно племя не могло вступить въ послѣднюю, не войдя въ составъ сплоченной націи съ обособленнымъ языкомъ, съ обособленными обычаями и вѣрованіями. Въ продолженіи всей исторіи событія

разлагали старыя націи, сближали и заставляли сживаться ихъ обломки, первоначально различные, вырабатывали новый общій языкъ, новый общій обычай, создавая, такимъ образомъ, новыя націи и скрѣпляя ихъ единство силою общаго историческаго преданія. Всѣ руководящія націи современнаго міра представляютъ самый сложный комплексъ элементовъ и ни одна изъ нихъ не существовала тому 2000 лѣтъ. Сравнительно-чистыя историческія націи (какъ, напримѣръ, еврейская) представляютъ исключеніе. Но этотъ процессъ переработки національностей все продолжается. Болѣе 18 милліоновъ людей живетъ въ настоящее время внѣ своей территоріи, при чемъ личности разныхъ націй сближаются, сживаются, вступаютъ въ кровные союзы, искажаютъ свой родной языкъ, точно такъ-же какъ языкъ своей новой родины, усвоиваютъ новыя идеальныя преданія и новые реальные интересы на почвѣ, къ которой все болѣе приростаютъ, и окончательно вырабатываютъ новыя націи для будущаго.

Національность — не врагъ соціализма, какъ современное государство; это не болѣе, какъ случайное пособіе или случайная помѣха дѣятельности соціализма. Лишь тогда, когда національная связь хочетъ подавить борьбу классовъ и сдѣлать рабочаго союзникомъ капиталиста-соотечественника противъ рабочаго другой націи, это доисторическое начало является противодѣйствіемъ соціализму и должно быть побѣждено. Но это — явленіе, предшествующее пробужденію соціалистическихъ убѣжденій. Борьба съ нимъ — доля пропаганды, которую ведетъ соціализмъ противъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ элементовъ стараго міра, противъ тѣхъ формъ собственности, семьи, суда, войска, религіи, которыя не могутъ ужиться съ началами соціализма, а къ этимъ элементамъ болѣе или менѣе принадлежитъ почти все въ старомъ мірѣ, кромѣ научной критики. Какъ только въ рабочемъ пробудилось классовое сознаніе своей солидарности съ другими рабочими и своего классоваго противоположенія господствующему ка-

питалу, этотъ мотивъ исчезаетъ По этому соціализму, въ его настоящей формѣ, нечего ни объявлять войну національностямъ, ни вносить ихъ въ свою организацію, какъ существенный элементъ. Убѣжденный соціалистъ долженъ пользоваться привычною національною связью тамъ, гдѣ это удобно, для задачъ соціализма; онъ можетъ и долженъ игнорировать всѣ національныя различія и бороться противъ ихъ подчеркиванья всюду, гдѣ они являются помѣхою соціалистическому дѣлу.

Слѣдовательно вопросъ о дѣятельности соціалиста по отношенію къ его національности, какъ мнѣ кажется, совершенно обусловливается не соціалистическими принципами, а обстоятельствами въ которыя соціалистъ поставленъ.

IV

Если соціалистъ принадлежитъ къ національности, которая составляетъ главный элементъ населенія въ данномъ государствѣ или значительную долю этого населенія съ значительнымъ и самостоятельнымъ экономическимъ развитіемъ, тогда онъ можетъ, для своей соціалистической дѣятельности, вполнѣ воспользоваться своими національными связями, своимъ прирожденнымъ усвоеніемъ особенностей соціалистическихъ задачъ въ его національной средѣ. Онъ можетъ посвятить всѣ свои силы той формѣ соціалистической пропаганды и той формѣ политической борьбы, которыя всего удобнѣе и полезнѣе вести на почвѣ данной національности въ государствѣ, гдѣ она господствуетъ. Здѣсь лишь особенныя обстоятельства его жизни, мѣшающія ему дѣлать это, могутъ служить ему оправданіемъ, если онъ замѣнитъ эту задачу другою.

Но эти обстоятельства могутъ имѣть мѣсто и сдѣлать ясно опредѣленную роль пропагандиста или политическаго агитатора среди наиболѣе удобныхъ условій невозможною для личности. Съ другой стороны, самая національность, къ которой личность принадлежитъ, можетъ

имѣть на родной территоріи этой личности совершенно второстепенное значеніе или можетъ вовсе не имѣть тамъ самостоятельныхъ экономическихъ интересовъ, такъ что вопросы борьбы труда съ капиталомъ опредѣляются въ этой мѣстности условіями, не имѣющими ничего общаго съ особенностями національностей, тамъ живущихъ; политическая же борьба противъ государственныхъ формъ. неудобныхъ для соціализма, охватываетъ территорію, совершенно не совпадающую съ тою, которая населена данною національностью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣненіе обстоятельствъ измѣняетъ и пріемы, которыми убѣжденный соціалистъ можетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать своему дѣлу.

Человѣкъ можетъ быть брошенъ судьбою за предѣлы своей родины, гдѣ его дѣятельность могла бы быть особенно удобна и плодотворна. Онъ, можетъ быть, развился и принялъ участіе въ исторической жизни внѣ своей національности. Въ послѣднемъ случаѣ нечего и говорить о какой либо національной связи: національность личности, какъ сила, вліяющая на ея дѣятельность, опредѣляется не физическими условіями рожденія личности, а духовною связью. Украинецъ, развившійся среди нѣмцевъ и пробудившійся къ жизни убѣжденнаго соціалиста среди рабочихъ группъ соціаль-демократовъ Германіи, есть нѣмецкій соціаль-демократъ. Не смотря на прочность національной традиціи среди евреевъ большинства странъ, еврей-соціалисты почти безъ исключенія, какъ соціалисты, входятъ въ составъ пропагандистскихъ или революціонныхъ организацій, вполнѣ обусловленныхъ политическими и экономическими условіями другихъ національностей.

Но и въ случаѣ сохраненія личностью духовной связи съ тою націей, которой личность принадлежитъ по рожденію, обстоятельства могутъ мѣшать переселенцу или политическому эмигранту дѣйствовать на родинѣ и для родины. Я говорю: *могутъ*, но въ этомъ случаѣ далеко не непремѣнно мѣшаютъ. При условіи господствующей въ государствѣ національности, которое я въ на-

стоящую минуту разсматриваю—и которое существуетъ въ Россіи--всегда и всюду переселенецъ или эмигрантъ можетъ найти кружокъ соотечественниковъ, на которыхъ и черезъ которыхъ онъ можетъ дѣйствовать подобно тому, какъ дѣйствовалъ бы на родинѣ. Вопросы, тамъ вызванные и усвоенные, остаются для него все-таки наиболѣе понятными, удобными, наиболѣе живыми. Кромѣ прямыхъ личныхъ отношеній на почвѣ живаго слова, письмо и печать дозволяютъ ему не разрывать связи съ родиной. Чѣмъ труднѣе ея положеніе, чѣмъ упорнѣе въ ней борьба, тѣмъ важнѣе въ этой борьбѣ содѣйствіе каждаго возможнаго участника, тѣмъ оно нравственно обязательнѣе. Одни возвращаются снова и снова на почву реальной битвы, пока ихъ не сломятъ обстоятельства. Другіе пытаются организовать центры непрерывнаго систематическаго дѣйствія на умы соотечественниковъ. Пока есть какая-либо возможность подобной дѣятельности, пока сохраняется въ душѣ переселенца или эмигранта сознаніе, что онъ духовно живетъ жизнью своей родины, понимаетъ ея задачи, страдаетъ ея болями, до тѣхъ поръ на нее направлена его соціально-революціонная дѣятельность, или у него нѣтъ искренняго убѣжденія.

Но возникаютъ препятствія инаго рода. Съ теченіемъ времени вопросы родной страны становятся переселенцу или эмигранту не столь ясны какъ прежде; его представленія о ней окрашиваются болѣе и болѣе фантастически. Не смотря на всѣ его усилія, его мысль развивается въ нѣсколько иномъ направленіи, чѣмъ мысль его соотечественниковъ на родинѣ. Онъ болѣе и болѣе перестаетъ понимать ихъ. Если это случилось, то для него исчезли или исчезаютъ именно тѣ условія наибольшаго удобства соціалистической дѣятельности среди своей національности, о которыхъ сказано выше. Фатально измѣнились для него обстоятельства этой дѣятельности. Новыя условія и новая жизнь стали для него понятнѣе и ближе. Иная соціалистическая дѣятельность стала для него удобнѣе, слѣдовательно и плодотворнѣе для соціа-

листическаго дѣла. Тогда ему не слѣдуетъ закрывать глазъ, обманывать себя и держаться напрасно за невозвратимое прошлое. Ему приходится перейти отъ своей національно-государственной родины къ широкой родинѣ соціалистовъ вообще, охватывающей всю земную поверхность. Если онъ не растратилъ убѣжденій въ тяжелой ежедневной борьбѣ за кусокъ хлѣба, ему надо стать въ ряды соціалистовъ иной страны, борющихся при иныхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ, иными средствами, при иной формѣ боевой организаціи. Ему приходится, можетъ быть, отречься отъ формъ соціально-революціонной борьбы, наиболѣе удобныхъ на его родинѣ, но неумѣстныхъ при иныхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ. Ему приходится учиться чувствовать и думать, какъ чувствуютъ и думаютъ подъ условіями иной страны наиболѣе развитые соціалисты, тамъ выработавшіеся. Для него національность исчезла, какъ двигатель, или, вѣрнѣе сказать, ея задачи только измѣнились. Работая на пользу соціализма міроваго гдѣ бы то ни было, эмигрантъ или переселенецъ продолжаетъ, при помощи этого міроваго соціализма, дѣйствовать на пользу своего отечества.

Таковы личныя обстоятельства, способныя измѣнить характеръ дѣятельности убѣжденнаго соціалиста. Обратимся къ другому случаю, указанному выше.

Положимъ, что національный вопросъ въ данной странѣ не совпадаетъ съ государственнымъ и экономическимъ. Данная національность не занимаетъ политически-обособленнаго положенія и политическія условія ея существованія могутъ поправиться лишь при поправленіи условій всего наличнаго государственнаго цѣлаго, обнимающаго нѣсколько различныхъ національностей. Она и экономически не самостоятельна, и ея капиталисты и рабочіе, по условіямъ производства, обмѣна и распредѣленія, связаны съ капиталистами и рабочими другихъ національностей. И экономическая, и политическая борьба для нея обособлена быть не можетъ. Общіе политическіе противники и общіе экономическіе враги суще-

ствуютъ для соціалистовъ многихъ національностей, охваченныхъ тою же политической территоріей. Для соціалиста, поставленнаго въ эти условія, едва-ли можетъ существовать сомнѣніе, что онъ и политически, и экономически, въ формахъ своей борьбы, связанъ съ представителями другихъ національностей, стоящими рядомъ съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ борьбы. Онъ, во имя интересовъ своей болѣе тѣсной родины, войдетъ въ соціалистическую и революціонную организацію, которая охватываетъ экономическіе и политическіе вопросы въ томъ видѣ, какъ они представляются во всей странѣ. Въ одномъ случаѣ удобнѣе будетъ, по мѣстнымъ условіямъ, единая организація, охватывающая личностей разныхъ національностей; въ другомъ — федерація группъ, употребляющихъ разные языки или нарѣчія, но связанныхъ политически и экономически общею задачею. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь національная раздѣльность есть лишь внѣшняя особенность, играющая совершенно второстепенную роль въ соціалистической борьбѣ, которая преимущественно опредѣляетъ свою форму на основаніи экономическихъ и юридическихъ условій. Я не имѣю времени остановиться на частномъ вопросѣ, — впрочемъ рѣдко встрѣчающемся, — когда освобожденіе національности сильной, но политически раздѣленной, ставитъ на первый планъ задачу объ образованіи новаго объединеннаго національнаго цѣлаго при новыхъ юридическихъ условіяхъ и объ измѣненіи затѣмъ уже формы соціалистической борьбы на этой новой ожидаемой почвѣ. Это, большею частью, иллюзія, раздуваемая тайными и явными врагами соціализма. Незамѣтно, чтобы объединеніе Италіи и Германіи подвинуло тамъ впередъ соціальный вопросъ; скорѣе напротивъ. Едва-ли можно было бы ожидать чего-либо иного въ подобномъ случаѣ для Польши, для Арменіи, для Украйны. Соціальная революція настолько, повидимому, надвигается ближе и ближе, что образованіе новыхъ политическихъ цѣлыхъ—вопросъ, несомнѣнно важный въ прошедшемъ—едва-ли можетъ сдѣлаться столь же существенною пред-

варительною задачею для соціалиста, какъ вопросъ объ измѣненіи политическаго и юридическаго строя нынѣшнихъ государствъ, чтобы сдѣлать возможною или удобною экономическую борьбу

V

Въ всемъ предъидущемъ я разбиралъ лишь вопросъ объ отношеніи соціалиста къ *своей* національности, въ которой онъ родился, и гдѣ дѣятельность для него удобнѣе. Я считалъ бы оскорбленіемъ для моихъ слушателей и для соціалистовъ вообще, если бы я позволилъ себѣ предупреждать первыхъ противъ звѣриной традиціи вражды къ *чужой* національности, противъ безсмысленной ненависти къ „москалю“ или „хохлу“ вообще, къ „жиду“ вообще, къ „нѣмцу“ вообще, къ „поляку“ вообще. Люди, доросшіе до того, что сознательно называютъ себя соціалистами, не могутъ даже поднимать подобнаго вопроса.

Кончаю замѣчаніемъ, которое резюмируетъ сущность вопроса объ отношеніи національности къ соціализму. Убѣжденный соціалистъ есть въ сущности, самый ревностный націоналистъ. Онъ стремится ввести людей своей націи какъ можно лучше въ работу соціалистическихъ идей, завоевать ей передовое мѣсто въ соціальной революціи, выработать въ ней соціалистическую литературу и соціалистическую дѣятельность, на которыя могли-бы съ гордостью оглянуться будущіе соціалисты-побѣдители всѣхъ націй, когда это различіе между людьми позабудется вмѣстѣ со всѣми прочими.

Женева. Вольная русская типографія. 1887 г.